

ЗА ВСЕ ГРЕХИ

ИРЭНЕ КАО

ОТ АВТОРА НАШУМЕВШЕЙ ТРИЛОГИИ
«Я СМОТРЮ НА ТЕБЯ»

18+

Ирэне Као
За все грехи
Серия «Итальянская диалогия», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9524204
За все грехи: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-79265-8

Аннотация

Новая сверхчувственная история от Ирэне Као, автора непревзойденной ИТАЛЬЯНСКОЙ ТРИЛОГИИ: «Я СМОТРЮ НА ТЕБЯ», «Я ЧУВСТВУЮ ТЕБЯ», «Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ», – которой зачитывается весь мир...

Всю жизнь он возводил вокруг себя стену, а она разрушила ее при первой же встрече. У него была идеальная спутница, которую он оставил ради ее несовершенства. Она решительно вошла в его мир, бросив все, что имело значение. Она привыкла нарушать границы, но никогда еще не заходила так далеко...

Итальянская диалогия «ЗА ВСЕ ГРЕХИ» и «ЗА ВСЮ ЛЮБОВЬ» – о своенравной, не признающей условностей Линде, которая прежде лишь играла в любовь, а теперь оказалась заложницей своего наваждения.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	18
Глава 5	27
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ирэне Као

За все грехи

Посвящается Карло, моему отцу

Irene Cao

Per tutti gli sbagli

Copyright © 2014 RCS Libri S.p.A., Milano

Перевод на русский язык *А. Малышевой*
Художественное оформление *П. Петрова*

Глава 1

Она бежит вот уже десять минут по земле и гравию. Первый километр выжал из нее почти все соки. Но сдаваться – не в ее правилах. И вот, наконец, долгожданный асфальт, который кажется ярким в лучах утреннего солнца. До городка еще далеко. По сторонам дороги – бесконечные ряды виноградников, изредка перемежающиеся вишнями и вековыми оливковыми деревьями. Мир внизу выглядит так, будто смотришь через испорченную линзу: то далеко, то так близко, что становится страшно. Но Линда Оттавиани не боится необычных вещей: для нее странность – одна из форм красоты.

Утренние пробежки для Линды как наркотик. Она бегает каждый день. Не важно, светит солнце, идет дождь или даже снег – Линда неизменно бежит в своей майке и шортах, кислотно-розовых кроссовках и очках «Wayfarer» цвета морской волны, как и ее глаза. В ушах – наушники, подсоединенные к iPod на браслете. У нее правило: без музыки – никакой пробежки. Время от времени она переключает голосом плейлист с «Dereche Mode» на «Lana Del Rey». Перед выходом из дома Линда собрала волосы в высокий хвост – из-под резинки, сложенной вдвое, торчат несколько непокорных прядей. Тут уж ничего не поделаешь: какая хозяйка, такие и волосы. Ее характер невозможно обуздать – хаос не скроешь за маской безупречности.

Тут уж ничего не поделаешь: какая хозяйка, такие и волосы. Ее характер невозможно обуздать – хаос не скроешь за маской безупречности.

Линда проводит руками по бокам и готовится увеличить скорость: она бежит уже полчаса, но дыхание пока в порядке. Глоток минеральной воды прямо на ходу из маленькой фляжки, прикрепленной к эластичному поясу. Затем – вниз, напрямик к Руголо, по холмам Тревизо: россыпь разноцветных домиков, церквушка с красной колокольней, оповещающей своим звоном, что сейчас девять часов майского утра.

На некоторых зданиях в городе еще красуются чарующие фрески художника Степана Заврела. Линда по профессии дизайнер интерьеров и всегда в поиске источников вдохновения, вот почему она любит это место. Нетронутый рай, пронизанный духом античности, на грани двух реальностей. Посмотри на гору Пиццок, будто прижатую тяжелой стопой античного бога; а потом вниз – на равнину: отсюда виден весь Венето с шикарными виллами и заводами, где производят лучшие вина. Если бы Линду спросили, какой из двух миров ей ближе, она бы расхохоталась. Ей всюду хорошо, для нее любое противоречие – это вызов, перед которым трудно устоять.

Она уже начала потеть: значит, правильно бежит. Капли пота струятся по спине и стекают с висков на янтарную шею, прячась в ложбинке упругой груди. Линда бежит быстро, но это еще не предел. Миновала развилку рядом с Мадонной в Камне – странной скульптурой из огромной каменной глыбы, покрытой сердечками и увешанной четками. Совсем немного осталось до Голубого дома: последний рывок. После часа пробежки Линда – комок мускулов, вся ее энергия сосредоточена в ногах: она не думает больше ни о чем. Есть только дорога и инстинкт.

Последние сто метров она пробегает на одном дыхании. Сердце бьется в бешеном ритме, голова невесома, как перышко, легкие, кажется, вот-вот разорвутся, и она потеряет сознание.

Стоп. Вдох – выдох. Все постепенно замедляется. Стадия «охлаждения» после тренировки самая приятная. Сердце раскрывается, разум очищается. Сейчас она чувствует себя по-настоящему свободной.

Теперь Линда перешла на шаг. Три глотка воды, iPod настроен на радио «Deejay». Новый день начинается с гнусавого голоса диджея Линуса: «Гордыня, алчность, тщеславие, зависть, чревоугодие, гнев, уныние. Какой из этих грехов вам ближе? Что вы за грешники? Пишите нам, ждем ваших эсэмэсок...» После этого звучит песня «7 Deadly Sins» группы «Simple Minds». Линда смеется, запрокинув голову: «Что за идиотское голосование...» – вырывается у нее сквозь смех. Ей-то все эти грехи знакомы не понаслышке. «Но песня отличная, что правда, то правда», – думает Линда, подходя к дому.

Глава 2

Голубой дом стоит прямо посреди старинного виноградника Вилл'Альта. Здесь и живет Линда, в доме родителей своего отца. Она отремонтировала его сама, уделяя максимальное внимание деталям. Это не просто дом, а место памяти, где, как на татуировке, отпечаталась история, отраженная в интерьере: голубые стены, пурпурные рамы на окнах, соломенные корзины во дворе, бочки в погребе, тропинка в саду, выложенная светлыми камнями... и никаких калиток. Здесь сердце наполняется тишиной и спокойствием. Солнечные часы на углу дома отбрасывают небольшую тень, больше века отсчитывая время. Линда вырастила потускневшие от времени грани часов в ярко-красный цвет, и теперь даже не замечает их – как это обычно бывает с вещами, которые были на одном месте всегда.

Войдя во двор, Линда снимает эластичный пояс с пустой флягой и бросает на порог; с глубоким вдохом, расправив грудь, делает растяжку под навесом. Ее упражнения не имеют четкой последовательности. Через пару минут Линда берет трехкилограммовые гантели, по одной в каждую руку, и начинает приседания – лучший способ накачать бедра и ягодицы, как любит повторять Давиде, ее личный инструктор. Вчера вечером Линда занималась с ним сексом. «Он из той категории мужчин, – размышляла Линда, – с которыми можно провести не больше одной ночи, ну максимум две».

Линда познакомилась с Давиде Коста в тренажерном зале, куда ходила зимой. В марте она бросила это занятие, потому что наступила весна (что может быть лучше пробежки, чтобы сбросить напряжение после тяжелого дня в офисе?). Кроме того, Линда поняла: упражнения на тренажерах не дарят ей таких ощущений свободы, как пробежка на свежем воздухе.

Прости-прощай, красавчик инструктор! Но оказалось, до поры до времени. В тот вечер подруга Валентина вытащила Линду в «New Wave», на концерт регги-рок-группы «Rebel Roots», о которой она никогда прежде не слышала. Войдя в зал, погруженный в густой дым и полумрак, они заняли места на диванчике сбоку от сцены. Когда зажегся свет и музыканты заиграли, Линда увидела знакомую фигуру. Да-да, этого типа за ударными Линда уже где-то видела. Через секунду она вспомнила своего инструктора Давиде, древнегреческого бога ростом метр девяносто, только в непривычной одежде. С голым торсом, босиком, в одних брюках – барабанными палочками он отбивает ритм, а мышцы танцуют им в такт, – он был так сексуален, что захватывало дух.

Даже когда он стирал пот со лба или нагибался, чтобы глотнуть воды из бутылки... это было само совершенство.

Как только «Rebel Roots» закончили играть, Линда пыталась перехватить взгляд Давиде, подошедшего к барной стойке. Призывный вырез ее платья из бирюзового джерси.

– Ты отлично играл, – похвалила она Давиде, приближаясь к нему чувственной и мягкой кошачьей походкой.

– Правда? – спросил он.

– Конечно. У тебя потрясающая энергетика!

– Спасибо. – И бронзовый воин из Риаче расплылся в улыбке.

«Готов, – подумала Линда. – Стоит только захотеть – и он мой».

– А я не знала, что ты еще и музыкант, – улыбнулась она в ответ, лаская Давиде многообещающим взглядом.

– По правде говоря, – принялся объяснять Давиде, – я даже больше музыкант, чем инструктор. Десять лет я учился играть на перкуссии в консерватории. В тренажерке работаю неполный день ради денег – чтобы обеспечить реализацию своей настоящей мечты...

– Ну надо же, – Линда сделала движение пухлыми губками, выражая искренний интерес.

– Может, по пивку? – спросил он.

– Что ж, от предложения выпить не отказываются, – ответила она словно заученной фразой и подмигнула ему. Оба направились к выходу.

Новость, что Давиде играет на ударных, пробудила в Линде любопытство: этот парень привлекал ее все сильнее... Самое время применить проверенные приемы обольщения, в этом ей не было равных.

– Все в порядке? – вдруг спросила Линда, заметив, что Давиде идет, как-то странно поднимая ноги, будто тротуар был липким.

– Похоже, я засадил занозу в ступню на деревянной сцене, – объяснил он. – Побаливает...

– Хочешь, я ее вытащу? – предложила Линда тоном, в котором угадывались ее намерения.

– Что ж, ради этого стоит немного помучиться... – прошептал он.

Вскоре они оказались у него в машине. Проехав несколько километров по холму, они вдруг почувствовали, что не в силах сопротивляться охватившему их желанию. Снизив скорость, Давиде свернул на проселочную дорогу и остановил свой «Гольф» посреди пустынного поля, и прямо в машине они дали волю своей страсти.

* * *

«В конце концов, почему бы не быть и второй ночи?» – думает о Давиде Линда, крепко сжимая гантели. Парень опытный, этого у него не отнять – в ее мыслях пронеслись картинки, будто кадры кинофильма: страстные губы, целующие ее грудь, мускулистые руки, сжимающие знойное тело, язык, движущийся в первобытном ритме во влажной промежности.

После упражнений Линда подходит к почтовому ящику. В щель видна фотография Ханоя, столицы Вьетнама.

Ее губы непроизвольно растягиваются в улыбке. Линда уже знает, от кого эта открытка, а перевернув ее, убеждается в своей догадке.

Скоро вернусь.

Целую,

Але

Линда делает глубокий вздох и улыбается. «*Скоро вернусь?* Ну да, кто ж тебе поверит! – произносит она, закатывая глаза. – Хм, может, и правда встретиться с этим засранцем...»

Алессандро Деган – лучший друг Линды. Они вместе выросли среди этих холмов, объединивших их такие разные судьбы навсегда. Они вместе учились в лицее, но потом потеряли друг друга из виду. Алессандро уехал, решив осуществить свою мечту – стать фоторепортером. Но их дружба преодолела расстояние, он сдержал обещание: присылать открытку из каждой страны, где был.

Прошли годы, и у Линды скопилась куча открыток из самых разных уголков, затерянных во вселенной, – от Катманду до Улан-Батора, от Самарканда до Джуно. Вся жизнь Алессандро – бесконечное путешествие в поисках интересных историй, которые он передает через фотографии. А так, как он это делает, больше не умеет никто: его снимки пронзают сердце своей простотой и эмоциональностью. Вот почему фоторепортажи Алессандро

часто можно увидеть в престижных журналах, таких, как «Times» и «National Geographic». Он редко бывает в Венето, в основном живет в Лондоне, где расположен офис одного из самых известных фотоагентств, на которое он работает. В последний раз Алессандро приезжал лет пять-шесть назад – Линда точно и не помнит. Кажется, прошла уже целая жизнь. Поэтому она, как ребенок, радуется при мысли о скорой встрече. Изменился ли он? Может, постарел? А может, и она тоже покажется ему другой?

Линда слегка поддевает ногой входную дверь и входит в дом, ее глаза полны красотой окружающего мира. Она цепляет открытку рядом с той, которая прилетела несколько месяцев назад из Сингапура. Переехав в Голубой дом, Линда выделила целую стену в гостиной для открыток от Алессандро. Она прикрепила к стене длинную медную проволоку – получилась эдакая спираль, – и всякий раз, когда приходит новая открытка, она закрепляет ее деревянной прищепкой. Вот так из посланий Алессандро она сделала своего рода инсталляцию, которая постоянно обновляется.

Повесив фотографию, Линда отступает на несколько шагов и оглядывает свое творение: оно ей определенно нравится, и фотография висит там, где и должна быть. Она снимает кроссовки и раздевается, бросая одежду на винтажное кресло перед письменным столом из эбенового дерева. Рядом с ним – черная чугунная печка-буржуйка, которая летом служит подставкой для книг и журналов по моде и дизайну. Дух Голубого дома – это мир его хозяйки с ее экстравагантным взглядом на жизнь.

Раздевшись, Линда поднимается по ступенькам из красного камня в ванную комнату, где, наконец, может заняться своим туалетом.

Приняв душ, она бережно наносит на тело французский увлажняющий крем на основе сибирского женьшеня и проводит шариковым дезодорантом по подмышкам. Беглым взглядом осматривает интимную зону – надо бы записаться на эпиляцию. Надевает черный бюстгальтер и трусики, расчесывает деревянным гребешком с широкими зубчиками свои волнистые волосы до плеч, зачесывая их на сторону. Так она кажется взрослее, чем когда заплетает их в косы. Обаятельная и неотразимая тридцатитрехлетняя женщина – хотя выглядит она, по крайней мере, лет на пять моложе.

Последний взгляд на себя в зеркало с разных сторон. Приподнимает брови, слегка сжимает полные губы, будто бы примеряет две-три обольстительные улыбки. Готово. Линда берет «Опиум», свою любимую туалетную воду, но флакон выскальзывает у нее из рук и падает на пол.

– Черт, не-ет! – вскрикивает она, дергая себя за прядь, как будто намереваясь вырвать ее. – Кошмар какой!

Но не успела она начать ругать все и вся, как зазвонил телефон. Она хватается за него с полочки у зеркала и видит высветившееся имя: «О боже, Бози! Утро еще не началось, а он уже за свое?»

Она с шумом выдыхает и отвечает недовольным голосом.

– Немедленно приезжай в студию! – требует Джанлуиджи Бози.

– Это еще зачем? – спрашивает Линда тоном, не слишком подходящим для разговора с начальником.

– Приедешь – поговорим.

Линда нервно поднимает с пола осколок флакона от «Опиума» и бросает в корзину под умывальником.

– Только не говори, что эти тупые Гримани опять что-то изменили в аксессуарах ванной! – продолжает Линда.

– Чем скорее ты приедешь в офис, тем быстрее мы это обсудим, – резко обрывает ее Бози, пролистывая фотографии в iPad. – Я тебя жду.

– Ладно, поняла.

– Что поняла? – Бози выбирает фотографию, на которой изображена Иванка в бикини – его «девушка месяца», – и, не скрывая улыбки, устанавливает ее в качестве обоев. – Давай скорее. Мне нужно срочно с тобой поговорить.

– Хорошо, скоро буду, не нужно нервничать!

Линда нажимает на кнопку разъединения и бежит в спальню одеваться. Открывает стеной шкаф, проводит рукой по ряду платьев разных оттенков и фасонов и выбирает нечто среднее между деловым и непринужденным стилем длиной до колена. Затем берет босоножки на каблучке в тон. Надевает на шею массивное ожерелье с этническим узором, которое наобум хватает из вороха бижутерии. В последний раз оглядывает себя в зеркале: «Хмм... Не очень-то оно подходит к платью», – размышляет она вслух, обращаясь к своему отражению. И в самом деле, огненно-красные подвески, спускающиеся от шеи к груди, не звучат в унисон с фасоном бледно-синего платья. «Ну и ладно, кому какое дело!» – думает Линда, разворачивается и выходит.

Открыв багажник своей красной «Альфа Ромео Спайдер Дуетто» 79-го года, она закидывает туда туфли, два каталога мебели и аксессуаров для ванных комнат и набор образцов плитки из муранского стекла. Закрывает капот и садится в водительское кресло. Делает глубокий вдох – в воздухе витает аромат олеандров и роз. Надевает очки «Авиатор» («Wayfarer» у нее только для пробежек или походов на пляж) и сжимает руль. Еще один более глубокий вдох. Поворот ключа – однако с первого раза мотор не заводится. Иногда машина любит над ней подшутить... в конце концов, возраст берет свое, хотя Линда и окружает свою бесценную игрушку всяческой заботой.

– Давай же, поехали! – Линда хлопает по приборной панели, поворачивает ключ, и машина заводится. Она включает первую передачу и решительно выжимает педаль газа.

Там внизу – равнина.

Там внизу ее ждет новый день.

И Линда уверена, что он будет жарким.

Глава 3

– Ну надо же, Линда! Хорошо еще, что я сказал тебе – приезжай немедленно.

Бози кладет на письменный стол очки в оправе цвета электрик и вытягивается во вращающемся кресле, запустив руку в густые с проседью волосы.

– Там пробка была, просто жуть! – беззастенчиво врет Линда.

Она приседает, чтобы поправить ремешок на зеленых туфлях с двенадцатисантиметровыми каблуками, выуженных из багажника.

– Я только минут пятнадцать ехала по улице Кавура, кошмар, сколько машин...

– Ты ведь знаешь, что в Конельяно по утрам всегда так, – замечает Бози, язвительно прищутив глаза. – Нечего оправдываться.

Он смотрит на огненно-красное ожерелье, интригующее декольте Линды и кривит губы.

Линда чувствует на себе его взгляд, но делает вид, что не замечает.

– А я и не оправдываюсь, – отвечает она высокомерным тоном, в котором слышится: «Я никому ничего не должна».

На секунду Линда замирает посреди комнаты и расправляет плечи, стараясь дышать животом: это то немного, что она усвоила на занятиях по пилатесу – как сосредоточить в себе энергию.

Ведь в офисе энергия никогда не бывает лишней, и она нашла способ, как сохранить ее... а правильное дыхание – залог успеха.

В студию Бози, находящуюся в Конельяно, Линда пришла после окончания магистратуры по предмету «Архитектура интерьеров» в Венецианском университете IUAV. Архитектор Джанлуиджи Бози читал там курс «Элитный дизайн интерьеров». От него были без ума все первокурсники.

Увидев эксцентричный проект Линды, он сразу понял, что у этой девочки есть талант.

Его поразило, с какой естественностью и непринужденностью она нарушает традиции. Он устроил ей испытания, и она прекрасно справилась.

Итак, за несколько месяцев до окончания университета Бози взял Линду в студию.

– Что срочного ты хотел мне сказать? – немного задиристо спрашивает Линда, высвобождая себе место между сдвинутыми креслицами и усаживаясь перед Бози за письменным столом.

Она всегда обращалась к своему начальнику на «ты», и никто из них уже не помнил, было ли это его желанием или это она позволила себе вольность, отказавшись от классической схемы «начальник-подчиненный».

Бози наконец выдает, как на одном дыхании:

– Я изменил проект Гримани, как они просили, и хотел, чтобы ты об этом знала.

– Что?! – взрывается Линда, бросая на пол сумку с каталогами.

– Они уже просят установить горизонтальный душ вместо ванны и настаивают на своем. Что мне оставалось делать?

– И ты еще спрашиваешь?! А ты не пробовал просто сказать им правду? Объяснить им, что это просто идиотизм?

Между густыми, четко очерченными бровями Бози появляется складка. Он воздевает руки к небу, придав лицу выражение смирившегося реалиста:

– Не забывай правило номер один: клиент всегда прав.

– Да неужели? Тогда зачем они к нам обращаются? Ну и делали бы сами свою мансарду! – она повышает голос и начинает терять контроль над собой.

Бози не знает, что ей ответить, напрягается, качает головой...

Затем, пытаясь снять напряжение, начинает бездумно елозить пальцами по iPad.

Вид Иванки в бикини на мгновение возвращает его к жизни.

Линда с ухмылкой наблюдает за ним.

– Они увидели горизонтальный душ в каком-то журнале и тут же решили: сделаем такой же, и наши друзья умрут от зависти! Это все, на что они способны со своими куриными мозгами. Но мы... мы ведь профессионалы, наш долг – объяснить, что горизонтальный душ – это несусветная глупость, и к тому же проект их санузла не предусматривает ничего подобного! – продолжает Линда, почти переходя на крик.

Теперь ее не остановить. Теперь это уже вопрос принципа. А когда дело доходит до принципов, Линда не сдается.

– Не совсем так, – Бози пытается сохранять дипломатичный тон. – Нам платят еще и за то, чтобы мы исполняли желания клиентов.

В этот момент в кармане его куртки звонит телефон. Он надевает очки, смотрит на дисплей, и на его лице появляется улыбка. Бози отвечает почти шепотом:

– Иви, darling¹, я сейчас не могу. Перезвоню через минутку.

Но Иви, похоже, не сдается, и Бози снижает голос еще на полтона, разворачивается в кресле, отчаянно пытаясь уединиться.

– Да-да, я же сказал, поедem... но не в эти выходные, – доносятся его слова, похожие на рычание. – Милая, давай попозже. Целую. Пока-пока-пока.

* * *

Линда не сводит с него глаз и намерена возобновить разговор. Так просто Бози от Линды не отделается.

– Там не хватит места для двух платформ, – шипит она ему прямо в лицо, четко произнося каждое слово. – Ты хоть представляешь, что такое шесть мощнейших струй? Куда, по-твоему, я поставлю сливы? – наступает она, прожигая его взглядом. – Говорю тебе, – она прерывается на мгновение, чтобы перевести дух. – Вот увидишь, у них там все плесенью зарастет из-за жуткой сырости!

– Это уже их проблемы, – властно заявляет начальник.

Линда с силой ударяет кулаком по столу, так что Бози слегка подпрыгнул, не в силах больше выдерживать ее натиск.

Она еще не знает, что за стеклянной перегородкой соседнего офиса за ней уже давно с любопытством следят серо-голубые глаза.

А в это время Линда тычет указательным пальцем в Бози и кричит ему в лицо:

– Главная проблема, шеф, не в горизонтальном душе, а в том, что ты сделал все через мою голову!

Он прижат к стене, закатывает глаза, уже зная, чем все закончится.

– Ты перекраиваешь мой проект и даже не удосуживаешься со мной посоветоваться!

Бози смотрит на нее, не дыша, – она права, и возразить ему нечего; но боковым зрением он следит за человеком в соседней комнате: этот богатый клиент находится практически рядом с ними. Уникальный случай, заказ на сумму с множеством нулей, он не может себе позволить его упустить. Что может подумать клиент о профессионализме его сотрудников? Будь проклят тот день, когда он установил между комнатами прозрачные перегородки. К счастью, Людовико Фассина и Аличе Вандзелла, старейшие архитекторы студии, любезно улыбаются и рассыпаются в комплиментах перед Томмазо Белли и его подругой Надин Харири, этими курочками, несущими золотые яйца. Уж они-то умеют обращаться с

¹ Дорогая (англ.).

клиентами-мультимиллиардерами. Конечно, они не гении, как ученица Бози, но налаживать выгодные связи у них получается гораздо лучше.

– Это дело принципа, – снова принимается за свое Линда (Бози другого от нее и не ждал). – Я свое дело знаю и вкладываю в него силы и душу. Поэтому если уж я берусь за проект, то хочу, чтобы он был именно таким. И главное – чтобы ты был на моей стороне!

Бози старается говорить как можно спокойнее.

– Успокойся, Линда, – выжимает он из себя, подбородком указывая в сторону соседнего кабинета. – Ты тут спектакль устраиваешь, а там клиенты. Очень важные клиенты.

Он морщит лоб, на котором тут же появляется множество горизонтальных морщин. «Сколько ботокса потрачено впустую!» – думает Линда, едва сдерживая ехидную ухмылку.

Затем она резко поворачивается и видит через стеклянную перегородку Большие Серо-Голубые Глаза.

На мгновение Линда забывает о своей злости, о том, где находится, о своем трусливом начальнике. Эти глаза будто взяли ее в плен, и она не может отвести от них взгляд. Потом она видит и мужчину, на вид ему лет сорок с небольшим. Он холодный и безупречный, весь приглаженный, в чернильно-синем пиджаке. Ни одной лишней складочки, все детали на своем месте.

– Кто это? Те, что хотели обставить виллу Гриппо-Белфи? – спрашивает Линда, придя в себя. В ее голосе слышится нотка любопытства.

Бози, воспользовавшись спадом напряжения, – он не знает, сколько это продлится, – моментально отвечает:

– Они самые. Андреуччи из Бассано дель Граппа отреставрировал фасад, а потом любезно направил их к нам, – на его лице появляется выражение триумфа. – С ними нужно обращаться бережно, в бархатных перчатках.

Взгляд Линды возвращается к людям за стеной.

Мужчина – сорокачетырехлетний Томмазо Белли, ледяная скульптура, излучающая магнетическое обаяние. Он работает в сфере международной дипломатии, а недавно вернулся на родину в Венето после двухлетней службы в посольстве Италии в Абу-Даби.

Его спутница Надин Харири. Врожденное чувство стиля. Ей сорок два года, но выглядит моложе лет на десять. Надин из тех женщин, которые, едва проснувшись, – уже в полном порядке, как после фотосессии для модного журнала. По происхождению – ливанка, из одной влиятельной бейрутской семьи, выросла и училась в Париже, говорит на пяти языках, в том числе и на итальянском.

Надин из тех женщин, которые, едва проснувшись, – уже в полном порядке, как после фотосессии для модного журнала.

Томмазо познакомился с Надин во время миссии на Ближнем Востоке, и они вместе уже семь лет. Оба богатые, образованные, холеные; идеальная пара, просто до тошноты идеальная. Недавно они купили виллу в палладианском стиле в районе Монтелло и пришли в студию Бози, чтобы подобрать для нее мебель. Из тысячи проектов, составленных для них Людовико и Аличе, они ни на одном не остановились: то слишком классический, то слишком экстравагантный...

Линда не знает, чем эти двое ее зацепили. Поэтому она на секунду отвлекается и снова на них смотрит.

Всего на секунду, потом ее мысли возвращаются к этому злосчастному горизонтальному душу.

– Ну, и что же мы будем делать с Гримани? – снова обращается она к Бозе с ухмылкой. – Надеюсь, ты дашь мне хотя бы поговорить с ними? Только я могу их переубедить.

– Нет, Линда, уже все решено, – отрезает Бози, выпрямляясь в кресле и глядя на нее с прищуром. – Ты отличный специалист, талантливый профессионал. Но твоя беда – чрезмерная гордыня, – заявляет он с таким видом, будто ведет психологический тренинг. – А это плохое качество, поверь мне. Будь осторожна.

Линда не может сдержать саркастическую улыбку.

«Эта история с пороками как будто меня преследует, – думает она. – Сначала Линус по радио, теперь вот и Бози. Нанюхались они, что ли, чего-то с утра?»

Может, это и совпадение, а может быть, кто-то действительно хочет ей что-то сказать... Линда трясет головой, прогоняя от себя эту мысль, возвращается в реальность, и ее вновь охватывает злость.

– Да, конечно. Но если мой грех – гордыня, то твой – трусость, – снова заводится она. Кабинет будто сковало холодом.

– Эй, Линда, потише на поворотах, да? – внезапно очнулся Бози.

Он может вынести все, что угодно, но только не оскорбления.

– Я твой начальник, в конце концов, не забывай об этом и имей хоть чуточку уважения.

– Так и веди себя как начальник, вместо того чтобы стелиться перед всякими идиотами! – парирует Линда и выходит из кабинета, покачивается на своих высоченных каблуках, мрачно глядя в пол. Она не замечает Томмазо, который вышел из соседнего кабинета, и налетает на его спину.

– Поаккуратнее! – бормочет она сквозь зубы, не поднимая глаз.

– Прошу прощения, – коротко отвечает он, разглаживая бока пиджака и поправляя воротничок.

Линда, не оборачиваясь, идет дальше, а Томмазо тем временем поднимает с пола листок бумаги и хочет привлечь ее внимание.

– Синьорина.

Линда оборачивается.

– Это вы мне?

– Да. Вы уронили, – Томмазо машет листком.

– А... Да выбросьте его.

Линда направляется к выходу, не удостоив его даже благодарного взгляда.

– Проект санузла Гримани, – бормочет она вполголоса. – Да пусть подавятся.

Через полчаса напряженной дороги по холмам Марки Линда, наконец, в Серрвалле. Здесь живет ее дядя Джорджо, один из немногих в ее жизни, на кого она всегда может рассчитывать. Сюда она приезжает, когда устает от людей и хочет отвлечься.

Джорджо – брат отца Линды. Ему пятьдесят пять лет, он полон оптимизма и держится с завидной легкостью. Это эксцентричный мастер, эдакий древесный алхимик или, как он сам любит себя называть, «жонглер, у которого нет-нет да и упадет шарик на землю».

Наперекор традициям, сохранившимся в Марке, он создает оригинальные изделия для интерьера, рисует эскизы, тщательно подбирает материалы, проводит настоящее исследование. Линда обожает стиль работы дяди и уже заказала ему несколько предметов мебели для своего Голубого дома.

– Здравствуй, дядя! Откроешь? – кричит Линда, нажав кнопку домофона.

– Родная... – отзывается он, удивляясь и радуясь, услышав любимую племянницу.

Щелкает замок старинной калитки из ели.

Линда, сменив туфли на каблуке на эспадрильи, оставляет позади весь суетный мир и идет по внутреннему двору к странному дому, похожему на богемный бункер. Что-то от старого ателье или от охотничьего домика под соусом поп-арта, что-то от загородного дома в

стиле ампир эпохи декаданса. Это необычное, многоликое место, которое полностью отражает суть своего эксцентричного хозяина.

– Ты так рано, милая? Я думал, ты будешь к вечеру...

На пороге появляется Джорджо в своих клетчатых бермудах, мятой рубашке и простых сандалиях. Он вытирает руки, испачканные клеем, пропитанной растворителем салфеткой.

– Знаю, дядя, – шепчет Линда, крепко обнимая его и целуя в обе щеки. – Просто я поссорилась с Бози и не могла оставаться в офисе.

Джорджо глубоко вздыхает, и на его лице появляется хорошо знакомая Линде улыбка.

– Так-так, и из-за чего же вы поссорились?

– Да так, глупости, – пожимает она плечами. – Ты ведь знаешь: я терпеть не могу, когда мне возражают, когда я работаю над проектом, – добавляет она с нажимом, устремив на дядю упрямый взгляд.

Тот качает головой.

– И не только когда работаешь... – он добродушно треплет ее за щеку.

На самом деле он обожает непокорный характер своей племянницы и вообще таких людей, как она, которые за словом в карман не полезут.

– Пойдем, покажу тебе шкафчики для твоей библиотеки. Остался один, и все!

– Как с тобой здорово, дядя! Все-таки есть хоть один человек, который делает все именно так, как мне нравится! – довольно вздыхает Линда.

Настроение у нее меняется так же быстро, как обувь.

Она входит в дом и сразу погружается в насыщенный аромат пчелиного воска. Знакомый скрип деревянных полов, запах старинных вещей, стены, увешанные репродукциями, картинами, мозаичные наличники...

В комнатах множество любопытных предметов. Джорджо много лет выискивал в комиссионных магазинах, на блошиных рынках и интернет-сайтах винтажные вещи, аксессуары и произведения искусства для интерьера своей берлоги.

Картины и бронзовые статуи на пьедесталах соседствуют со стопками журналов, древними восточными коврами, старинными часами, аптечными вазами начала двадцатого века, канделябрами и хрустальными люстрами. И во всем видна частичка его души. Как каждый уголок вселенной живет своей жизнью, так и в голове Джорджо Оттавиани постоянно что-то происходит.

Свет, проникающий через огромное арочное окно, освещает стены лаборатории, выполненные в стиле кракле. С потолка свисает экзотическая люстра из латуни и керамики; по всей комнате разбросаны рабочие инструменты, деревянные формы для изготовления копий висят на железной рамке рядом с рабочим столом, усыпанным разнокалиберными гвоздиками.

– Вот он, – говорит Джорджо, указывая на шкафчик библиотеки, прислоненный к стене.

Линда подходит к шкафчику и гладит его с такой нежностью, словно это шелковое платье.

– Дядя, это великолепно! Ты проделал такую работу...

Она испытывает физическое удовольствие от прикосновения к дереву, ей хочется его понюхать, но вдруг она замечает ящик, лежащий на полу поверх нейлоновой пленки.

– О боже! – вскрикивает Линда, приседая на корточки.

– Не трогай, я его только что покрасил...

Линда поворачивается к дяде и с обожанием смотрит на него.

– Именно такой цвет я и хотела, – произносит она, и в ее голосе слышится искренняя благодарность.

– Не слишком синий, но и не голубой, – откликается Джорджо и подмигивает племяннице.

– Но как ты узнал? Я ведь тебе ничего не говорила... – С этими словами Линда кладет руку ему на плечо. – Как хорошо, что с тобой не нужны слова, дядя, ты читаешь мои мысли!

– А ведь ты еще не видела самого главного!

Джорджо направляется к рабочему столу и медленно достает из коробки ручку из белого каррарского мрамора.

Лицо Линды озаряется.

– Это для ящика?

Джорджо кивает.

– Ну все, я сейчас расплачусь!

Но вместо этого она смеется, как ребенок.

– Пойдем, выпьем по бокальчику красного, – зовет ее Джорджо. – Через полчаса ящик высохнет... и ты сможешь забрать все домой.

– Спасибо, дядя.

Глаза у Линды блестят. Все-таки день удался.

– Не знаю, что бы я без тебя делала.

И она идет вслед за ним, считая себя самой счастливой племянницей на свете, потому что может разделить с Джорджо свои страсти и увлечения.

Они приходят на кухню, где обеденным столом служит не что иное, как спиленный ствол тысячелетнего дуба.

Джорджо наливает два бокала «Каберне Фран», затем достает выдержанный козий сыр с ароматом орехов и «Траминер» и нарежает ломтиками домашний хлеб.

– Попробуй, – он протягивает ей сыр на кончике ножа.

Разумеется, она не отказывается. Она любопытна и обожает необычные запахи не меньше, чем цвета и формы.

– Ммм... вкуснятина, – говорит она, смакуя кусочек.

– Это мне Фаусто принес, – говорит Джорджо, и глаза его блестят, когда он произносит это имя.

– Какой Фаусто? Твой друг пианист?

Линда отрезает еще кусочек.

– Да, – отвечает он, улыбаясь. – Кстати, мы приглашены на его камерный концерт в Ла Фениче.

– Надо же...

Линда приподнимает бровь и отламывает кусок хлеба.

– Вернее, это я приглашен, – поправляется Джорджо, – но мне бы хотелось, чтобы и ты пришла.

– А когда?

– 25 июля. Время еще есть... Но я тебе говорю заранее, у тебя же всегда куча дел.

– Что ж, – Линда знает, что ее дядя не очень охотно говорит на личные темы. – Кажется, у вас все серьезно...

– Не знаю. – В его голосе на мгновение слышится нотка смущения. – Но он очень много для меня значит.

– Ну ладно, – вздыхает Линда. – Пожалуй, мне пора...

– Как, уже убегаешь?

– Да. Не хотелось бы говорить, но чувство долга зовет меня. Может, еще успею что-нибудь поделать дома.

Джорджо смотрит в окно на припаркованный кабриолет.

– Я отнесу полки и ящики в машину. Ты ведь с ней хорошо обращаешься?

Когда-то красная «Дуетто» принадлежала ему. Тогда Джорджо развлекался с деревенскими девчонками, красуясь перед ними. Только много позже он признался себе, а затем узнали и окружающие, что не женщины сводят его с ума.

– Конечно, дядя, а ты что, сомневался? Для меня она как драгоценность. Я даже мотор усилила!

– Так я и думал, – закатывает глаза Джорджио. – Значит, бесполезно советовать тебе ездить потише...

Линда пожимает плечами, как бы извиняясь, и тут же хохочет, подмигивая ему.

Но стоило Линде приехать домой, как все ее хорошее настроение будто улетучилось: ей не хочется работать в студии (особенно после того, как Бози подложил ей такую свинью). Сейчас она думает только о своей библиотеке. С детским энтузиазмом она выгружает из машины шкафчики и несет их в гостиную. Ей не терпится увидеть все целиком! Она немедленно принимается за дело.

Сначала она вставляет синий ящик в пустую нишу центральной части.

– Отлично.

Затем берет полку и, встав на стул, вставляет его в верхнюю секцию. Рост метр и шестьдесят один сантиметр, возможно, и является преимуществом в постели, но совершенно не помогает в сборке мебели.

– За-ме-ча-тель-но! – торжествующе восклицает она.

Линда спускается со стула и ходит взад-вперед у этого произведения искусства, любуясь то вблизи, то отойдя на несколько шагов, то забравшись на кожаный диван, украшенный капитоне.

Она оглядывает свою новую библиотеку, возбужденно приоткрыв рот.

– Все, как я хотела, – переходит она на шепот, словно испытывая оргазм.

Линда думает – хорошо, что хотя бы с мебелью все вышло так, как было задумано. Жаль, что в жизни не всегда так...

Глава 4

Часы на настенном табло на перекрестке показывают 18.37.

Линда ведет кабриолет, ее волосы развеваются, свежий вечер постепенно становится холодным.

Наконец-то пятница. Один из прекрасных дней конца мая, когда воздух уже пахнет летом. Рабочий день позади.

Но у Линды все еще стоят перед глазами Гримани и суматоха в офисе с появлением новых клиентов. Она ненавидит, когда Бози лебезит перед толстыми кошельками, забыв о достоинстве. А еще противнее, что каждый день в обеденный перерыв к нему приезжает Иванка для того, чтобы подарить пятнадцать минут удовольствия.

Ну ничего, еще чуть-чуть, и все это останется в прошлом...

Линда полна предвкушений, она ведет машину и смеется, переключает коробку передач, правая нога жмет на газ. Не считая пробежек, мало что в жизни дарит ей ощущение свободы, которое она испытывает за рулем автомобиля. Может быть, когда-нибудь ей надоест «Дуетто» – хотя Линда в этом сомневается, – и она купит себе новую машину, где стоит только дотронуться до педали газа, как стрелка спидометра тут же взлетит до ста. Поистине мужская мечта, трудно ожидать такого от этой девушки, взглянув на ее ангельское личико.

«Но с другой стороны, – размышляет Линда, – зачем мне бездушная машина, пахнущая заводом?» Ее кабриолет отлично справляется со своей задачей, и то ощущение, которое он ей дарит, не купишь ни за какие деньги.

Она выезжает на проселочную дорогу, которая бежит меж холмов. Воздух влажный и теплый, пахнет свежестью: после обеда лил дождь как из ведра. Из-за предгорья Альп пробивается слабый луч солнца, и облака становятся все реже.

Как все-таки прекрасна эта земля!

В такие моменты Линде кажется, что она больше нигде не смогла бы жить.

Она сильнее жмет на газ, но, преодолев несколько поворотов, «Альфа» начинает сбавлять скорость, ее трясет от капота до выхлопной трубы.

– Нет! Еще! – пыхтит Линда, пытаясь поддержать мотор, но тщетно. Она понимает, что уже ничего нельзя сделать. Машина продолжает сбавлять ход, затем останавливается и глохнет.

– Вот черт! – Линда с силой, до боли в ладонях, ударяет по рулю. Не в первый раз ее машина ломается. – И что же, черт возьми, с ней на этот раз?

Она отстегивает ремень безопасности и до предела отодвигает сиденье. Пару раз жмет на педаль сцепления и яростно пытается включить зажигание, но все напрасно.

Никакой реакции, машина не подает признаков жизни.

– Черт, черт, черт! – ругается она.

«Не мог же закончиться бензин, я недавно заправлялась, – размышляет она. – Может, все дело в приводе? Вытекло масло или сел аккумулятор?», – продолжает строить предположения Линда. Ее недавняя беспечность сменилась нервным напряжением, от которого у нее заболел желудок. Целый день ругалась с рабочими в мансарде Гримани, и теперь не хватало еще одной неприятности для отличного завершения недели! Вот уж точно: если день сразу не задался, потом неприятности следуют одна за другой. Но Линда не из тех, кто легко сдается. Она вынимает ключ зажигания, выходит из машины, открывает капот и разбирается с двигателем. Не то чтобы она большой эксперт, но кое-чему ее научил Алессио Каллигарис, продавец подержанных «Ауди», с которым пару лет назад она провела несколько ночей.

Что, если ослабить два болта, которые стягивают клеммы аккумулятора, а затем снова закрутить их? Обычно это работает.

– Давай же, не бросай меня... поехали! – почти умоляюще обращается Линда к своей «Дуэтто» и возвращается в машину, чтобы попробовать завести двигатель. Безрезультатно.

На этот раз прием Алессио не срабатывает. Ключ вращается впустую.

– Черт побери! – выкрикивает она, уже не сдерживаясь.

Но все еще не сдается. Линда снимает свою кожаную курточку – когда она нервничает, ей становится жарко – и бросает ее на пассажирское кресло. Резко открывает дверцу, захлопывает ее и снова направляется к двигателю. Затем кладет руки на резиновый кожух.

– Только попробуй не послушаться меня – как врежу! – обращается она к машине, как к человеку. Линда перебирает провода, как четки, словно хочет призвать удачу. На этот раз, похоже, дело плохо, и Линда понимает, что в одиночку ей не справиться. Она пинает колесо, прислоняется к дверце, опускает руки и шумно выдыхает. Капот поднят, мотор не заводится. Она смотрит на свои кеды и, поведя плечами от холода, старается натянуть до колен свое маленькое синее платье без рукавов.

Что теперь делать?

До дома слишком далеко, чтобы идти пешком, к тому же она никогда не оставит свою бесценную игрушку... Она отчаянно вглядывается в даль, силясь различить вывеску какого-нибудь автосервиса или хотя бы заправочной станции, но тщетно.

Дорога пустынна, только вдалеке, примерно в километре, виднеется несколько домов.

Она уже собирается достать мобильник из кармана куртки, как вдруг видит, как из-за поворота выезжает внедорожник цвета серый металлик. Он снижает скорость и останавливается напротив кабриолета. Это «Ренджровер Эвок Престиж», начищенный до блеска, со сверкающими литыми дисками и антибликовыми стеклами.

Линда замерла. Она не знает никого, у кого была бы такая машина, и не знает, что и думать. Хотя ей и льстит, что незнакомец остановился специально ради нее.

Она отходит от машины и поправляет платье.

Стекло дверцы со стороны пассажирского кресла опускается, и она видит устремленные на нее Большие Серо-Голубые Глаза. «Томмазо Белли», – узнает Линда.

– Вам помочь? – спрашивает он, надев маску вежливости.

Глушит двигатель и, отстегнув ремень, открывает дверцу. Затем выходит из машины и хочет представиться:

– Не знаю, помните ли вы меня. Меня зовут...

Но Линда его опережает:

– Знаю: Томмазо Белли. – Она ухмыляется, и приятное предвкушение, которое еще секунду назад она ощущала в животе, пропадает. – В студии ты теперь знаменитость.

– Даже так? Это почему же? Надеюсь, это добрая слава... – произносит он, выпрямляясь, как атлет, в полный свой рост.

Секундная тишина, и Линда резко отвечает:

– Честно говоря, потому что ты вынес всем мозг.

– Хм... Да здравствует искренность! – Томмазо ничуть не смущен и даже слегка улыбается.

Затем взгляд его переключается на кабриолет.

– Что ж, тут, похоже, мозг выносить некому, и помочь мне, наверное, здесь нечем.

– Ну, если тебе так уж хочется взглянуть... – отвечает Линда таким тоном, который остудил бы пыл самого настойчивого мужчины.

Но едва умолкнув, она понимает, что Томмазо, возможно, ее единственная возможность уехать отсюда. И тут же исправляет ситуацию.

– Понимаешь, она заглохла прямо посреди дороги, и я никак не могу ее реанимировать.

Линда внимательно оглядывает Томмазо. Он еще выше и солиднее, чем ей показалось в офисе.

На нем рубашка небесно-голубого цвета и светло-серые брюки, на ногах – начищенные до блеска кожаные ботинки, которые при ходьбе противно скрипят.

Тем временем Томмазо подходит к капоту и заглядывает внутрь.

Проводит пальцами по своим светлым, коротко стриженным волосам и почесывает затылок.

– Вы не знаете, в чем может быть проблема? – спрашивает он Линду тоном эксперта, пытаясь скрыть неловкость.

Линда смотрит на него, скрестив руки на груди, и отрицательно качает головой; на ее лице появляется ехидная улыбочка. Кажется, он не так уж хорошо разбирается в машинах...

Томмазо снова смотрит на двигатель, закатывает рукава рубашки и внимательно просматривает все детали, затем спрашивает:

– Какого года этот автомобиль?

– Семьдесят девятого, – с гордостью отвечает Линда.

– Получается, она старше вас.

– На пару лет...

Неожиданный поворот: Лорд Совершенство, оказывается, не лишен чувства юмора. Томмазо приподнимает брови, и на лбу появляются три мимические морщинки. «Как это чертовски сексуально», – думает Линда. Хотя думать так ей совсем не хочется. По крайней мере, не в этой ситуации.

В один прием он растягивается на земле, голова – под капотом, и Линда слышит, как он что-то бормочет. Она с удивлением ловит себя на том, что разглядывает его накачанные бедра, которые проступают через брюки. Но как только Томмазо поднимается, тут же отводит взгляд. Только бы он не заметил ее заинтересованный глаза. Он снова возвращается к двигателю и изучает клапаны и проводки.

– Тут вроде бы все в порядке. А вы не помните: перед тем как заглохнуть, машина слегка не подпрыгивала? Или, может, свистела?

Линда кивает.

Похоже, Томмазо все-таки что-то соображает.

– Тогда точно привод, – заключает он. – И к несчастью, в этом случае мы ничего не можем сделать. – Он качает головой и решительно произносит: – Придется вызвать эвакуатор.

– Я именно это и собиралась сделать, пока ты не приехал, – отвечает она с досадой и начинает искать номер телефона.

Спустя мгновение Линда говорит:

– Эй, Макс, как делишки? Грузовик еще у тебя? Слушай, у меня тут опять... Я со своей сломанной «Дуэтто» на развилке у Витторио Венето, рядом с имением Маккаро.

Она говорит с Массимилиано Сартти, своим бывшим одноклассником и поставщиком лучшей травки, которую она когда-либо пробовала.

– Ага... меня с моей игрушкой надо бы подвезти...

– Я вас отвезу, даже не возражайте, – встревает в разговор Томмазо, делая решительный жест.

– А, слушай, Макс... не беспокойся, я сама доберусь. Ты, главное, машину убери с дороги, – продолжает Линда, кивая Томмазо. – А завтра я заеду в мастерскую и заберу ее.

Резким движением она захлопывает капот кабриолета.

– Спасибо, Макс, ты просто ангел. С меня причитается, – мурлычет она и кладет трубку. – Ну вот, все улажено, – произносит Линда таким тоном, будто у нее все прекрасно. Однако, подняв глаза, она видит, что небо затянуто огромными свинцовыми тучами, которые гонит холодный ветер.

– Подождем, пока приедет эвакуатор? – спрашивает Томмазо.

– Да нет, что ты! – отвечает Линда. – Макс мой друг и не первый раз выручает меня с этой крошкой...

– Отлично. Тогда поехали. Только скажите, куда. Не будем терять время.

Но не успел он сделать шаг к своему внедорожнику, как в ту же секунду мимо них по луже пронесся мини-фургон и окатил его с ног до головы. И в одно мгновение Лорд Совершенство превратился в звезду рекламы пятновыводителя. Линда не может сдержаться и искренне смеется. Однако Томмазо абсолютно не смущен и элегантно, несколько неуместным в данной ситуации жестом отряхивает рубашку и брюки.

Он промок до нитки, вода стекает с него, как с дерева после грозы, но, несмотря на это, Томмазо сохраняет потрясающее самообладание. Линда не скрывает улыбку. Томмазо, всегда такой безупречный – и вдруг в таком виде невероятно комичен.

Хотя его намокшая на груди рубашка вызывает у нее совсем другую реакцию, тоже спонтанную и неконтролируемую.

В этот момент она замечает, что Томмазо смотрит на нее пристально и даже немного сурово. Линда умолкает, но все же против своей воли снова смеется. Тогда не выдерживает и Томмазо, и они вместе хохочут.

«А он, оказывается, тоже человек», – думает Линда.

Но длится это недолго, потому что публичные приступы веселья не в его привычке. Открыв багажник внедорожника, Томмазо обеспокоенно что-то ищет.

– Вот черт! У меня даже нет сменной одежды, – он оборачивается к Линде. – Обычно у меня всегда с собой запасная рубашка. Но ничего страшного, это не проблема, – продолжает он, но видно, что он все-таки озабочен.

Открыв дверцу со стороны пассажира, он жестом просит Линду подойти.

– Прошу, – предлагает он сесть.

Линда быстро хватает из кабриолета курточку и сумку и через секунду запрыгивает во внедорожник. Томмазо достает из багажника чехол, надевает его на водительское кресло и садится за руль. Ему некомфортно в мокрой одежде. По спине, затылку, до самых кончиков волос как будто бегают мурашки.

Он оборачивается к Линде и спрашивает:

– Итак, куда мы едем? – И Томмазо протягивает руку к экрану навигатора.

– Мы поедем, – заявляет Линда. – Но при одном условии.

– То есть?

Томмазо смотрит на нее удивленно.

– Прекрати мне «выкать».

Томмазо улыбается, но видно, что ему неловко.

– Хорошо, хм... – протягивает он, пытаясь вспомнить ее имя.

– Линда, – поспешно вставляет она. – Меня зовут Линда.

– Точно! – восклицает он, поднося руку к виску, не скрывая досады. – Прости. Обычно я сразу запоминаю имена. Не знаю, что со мной, но сейчас очень сложный период, и я немного рассеян. – Затем он отводит взгляд и заводит двигатель. – Ты права, давай на «ты».

Линда показывает ему дорогу:

– Километров шесть по прямой, потом на развилке повернешь, но я тебе скажу, как доедем.

– Отлично. Как прикажешь, – отвечает он, включая коробку передач.

Линда погружается в кресло и вдыхает аромат роскошного салона из тончайшей кожи «Оксфорд»: сиденья цвета верблюжьей шкуры, простеганные двойной строчкой, белая приборная панель со вставками из дерева и металла.

– Какую музыку предпочитаешь? – сразу же спрашивает Томмазо. Дисплей бортового компьютера загорается желтым светом, и появляется надпись «музыка».

– Хмм... посмотрим, удастся ли тебе меня удивить. Выбери сам, – предлагает Линда.

Томмазо начинает листать длиннющий плейлист до буквы «С», и Линда с ужасом видит лишь классические произведения.

– «Coldplay» подойдут?

– Да, мне они нравятся, – быстро отзывается Линда, облегченно переводя дух. Она такого не ожидала.

Салон наполняется нотами «Paradise». Томмазо, не дожидаясь, пока она попросит, прибавляет громкость. Линде это приятно, она улыбается и начинает подпевать, опережая Coldplay. Поглядывает на Томмазо, чтобы не дать застать себя врасплох: он сосредоточен, взгляд устремлен на дорогу.

У него элегантный профиль, белая кожа, ухоженные светлые, чуть вьющиеся волосы, гладко выбрит, на правой щеке, на уровне нижней губы – маленькая родинка. Можно сказать, он – образец классической, идеальной красоты, а это не совсем та красота, которая нравится Линде. Но она готова признать, что перед его обаянием трудно устоять.

Внезапно музыка стихает, и в тишине салона раздается звонок. Томмазо нажимает кнопку на правой стороне руля и отвечает:

– Надин? – В его голосе легкое удивление.

Из динамиков доносится глубокий и мягкий женский голос с арабско-французскими певучими нотками:

– Mon amour², ты далеко? Ты ведь помнишь, ужин у губернатора...

Мысли Томмазо мгновенно переключаются, и он вспоминает, что должен присутствовать на официальном вечере.

– Ну конечно, помню, – говорит он так уверенно, что Надин не может усомниться.

Но Линда, сидящая рядом, невольно улавливает в его голосе нетерпеливые нотки.

– А ты где, родная?

– Только что вышла от парикмахера, – отвечает Надин.

Возможно, укладка удалась или еще по какой-то причине, но по голосу похоже, что она явно довольна.

– Хорошо. Жду тебя дома. Нам нужно быть у Баллана к девяти. Не опаздывай, прошу тебя...

Это произнесено медовым, нарочито вежливым тоном, но в нем явно слышится приказ. Когда Надин так говорит, перечить ей нельзя.

– Конечно, дорогая. Увидимся.

– À bientôt. Bisou!³

Томмазо завершает разговор, и в салоне вновь звучит Coldplay.

– Жена? – спрашивает Линда.

Томмазо качает головой.

– Подруга. Мы не женаты, хотя все равно что супруги.

– А, – только и произносит Линда несколько удивленно.

– У меня сегодня вечером важный ужин, а я чуть не забыл. Не знаю, что со мной творится, – объясняет Томмазо, слегка улыбаясь тонкими губами. – Нечто среднее между дружеским ужином и рабочей встречей.

– А кем ты работаешь? – спрашивает Линда.

– Я дипломатический агент.

– Это как?

² Моя любовь (*фр.*).

³ До скорого. Целую! (*фр.*)

Линда смотрит на него с любопытством: наверное, это одна из суперпрофессий, требующих особой квалификации. Она смутно представляет эту деятельность.

– Я работаю в «Фарнезине», – продолжает Томмазо.

Он говорит общими фразами – может, думает, что она все равно не поймет детали?

– Значит, часто ездешь за границу? – спрашивает Линда и тут же сама понимает, что это, наверное, самое банальное, что могло прийти ей в голову.

Представление о мире у нее довольно стереотипное, сложившееся по американским фильмам об агенте 007: комнаты со звукоизоляцией, оружие с глушителем, частные самолеты, портфели, набитые деньгами...

В общем, государственная тайна, которую надо защищать ценой собственной жизни: такая вот работа под прикрытием, для которой, как ей кажется, Томмазо идеально подходит.

– В общем-то, да, я подолгу живу за пределами Италии, – отвечает Томмазо. – Уже лет двадцать катаюсь по свету.

– А чем ты занимаешься? – не унимается Линда.

– Ну, смотря, какие задания мне поручают.

Линда показывает ему развилку, метрах в ста:

– Вот, туда. Потом – направо, – объясняет она и добавляет: – Прости, я тебя перебила. Ты рассказывал о заданиях.

– Ну да, разные миссии, которые обычно длятся около двух лет, – поясняет Томмазо, – я работаю в сфере экономической и финансовой дипломатии. Все, что касается сотрудничества с другими странами и участия в программах развития международных отношений.

– Хм-м... не совсем понятно, и что: никаких пистолетов и чемоданчиков с долларами?

– Да нет... я работаю в сфере экономических отношений и стараюсь предотвращать возможные проблемы между Италией и другими странами и делать все, чтобы сохранить дружеские отношения. В общем, чтобы никто не делал никому мелких неприятностей.

Томмазо улыбается, потом смотрит на дорогу и снижает скорость.

– На перекрестке – куда?

– Вон туда. Мы почти приехали.

Дорога идет между виноградниками. Слева на холме – разрушенная средневековая башня. Чуть впереди, на плато, прямо из скалы бьет источник.

– Ага, возле таблички поверни, – направляет его Линда.

Томмазо только успевает прочесть надпись: «Маршрут № 1: к подножью Кансильо».

– Теперь осторожнее – дорогу развезло, – предупреждает Линда.

Несколько сотен метров по виноградникам и оливковым рощам, и появляется Голубой дом. Кажется, будто он парит между небом и землей.

Томмазо снижает скорость.

– Ты здесь живешь? – спрашивает он, потрясенный окружающим видом.

– Да. Этот дом принадлежал моим бабушке и дедушке.

– Потрясающее место, – Томмазо останавливает машину посреди дороги.

– Можешь парковаться, где хочешь. Хоть между теми двумя олеандрами.

– Вообще-то мне уже пора... – Томмазо в нерешительности наклоняет голову, и все же что-то его удерживает. – Кажется, я уже опаздываю на ужин.

– Позволь хотя бы предложить тебе аперитив – надо же мне хоть как-то тебя отблагодарить... – глаза Линды вызывающе блестят.

– Ну хорошо, – сдается Томмазо. Отпускает руль и выключает двигатель. – Но только на десять минут, не больше. Потом мне надо бежать.

Они выходят из внедорожника.

Линда опережает его, в одной руке ключи, через плечо переброшена куртка. Ветер шелестит листвой деревьев, и от его порывов волосы Линды развеваются и лезут в глаза.

Томмазо смотрит на поросшие деревьями холмы, будто находится в месте, затерянном во времени и пространстве, которого не найти на картах навигатора.

– Входи, – приглашает Линда.

Томмазо идет за ней, на мгновение задержав взгляд на мраморной табличке на двери с фамилией Оттавиани, написанной синими буквами. Все здесь кажется ему оригинальным, не похожим на вещи, к которым он привык. Подняв голову, Томмазо видит солнечные часы.

– Эти часы здесь, сколько я себя помню, – поясняет Линда, повернувшись к нему. – Их нарисовала Урсула, подруга моей бабушки, австрийка, в сороковых годах. Но честно признаюсь, я даже не разбираюсь в них.

Томмазо смотрит на нее так, будто хорошо знает, как ими пользоваться, но не подает вида.

– *Nulla dies sine linea*, – читает он вслух надпись на табличке справа от часов.

– Ни дня без строчки, – переводит Линда. – Это из Плиния Старшего.

Во всяком случае, так ей всегда говорили.

– Если не ошибаюсь, эти слова принадлежат знаменитому художнику Аппеллесу, который не мог прожить и дня, не сделав хоть несколько мазков, – отвечает Томмазо.

Линда смотрит на него с любопытством, а он продолжает:

– Это означает: чтобы добиться желаемых результатов, нужно трудиться изо дня в день. Кажется, что в этих словах он узнает себя.

Линда пожимает плечами.

– Возможно... Хотя постоянство никогда не было моей сильной чертой. Это же так скучно, тебе не кажется?

Вместо ответа Томмазо слегка улыбается – он явно не одобряет такого подхода, пару раз вытирает ботинки о коврик и входит вслед за Линдой в дом.

Он молча оглядывается вокруг, и в глазах его читается восхищение: этот дом излучает невероятное тепло и напоминает ему Северную Африку, куда он ездил в командировку много лет назад.

Томмазо чувствует, что это место много повидало на своем веку. Затем он улавливает необычный запах, глубокий и экзотический.

– *Santalum album*, – произносит он после минутного молчания.

– Но как?.. – не успевает задать вопрос Линда, как Томмазо уже отвечает:

– Белый индийский сандал, верно? Один из моих любимых ароматов.

– Да, я зажигаю его, чтобы очистить воздух, – говорит Линда, указывая на несколько разнокалиберных терракотовых ваз, расставленных полукругом в углу коридора. – К тому же он отгоняет комаров, – добавляет она.

Томмазо прикрывает глаза и вдыхает аромат.

– Напоминает Варанази.

– Ты был там в командировке?

– Нет... – он смотрит в пол, в одну точку, будто пытаясь восстановить что-то в памяти, и продолжает: – Я ездил туда, когда мне было лет восемнадцать, с двумя друзьями. Одно из моих первых путешествий. Может, после этого я и выбрал эту профессию. Вернулся и поступил на факультет политологии. И вот я здесь.

Линда пытается представить себе Томмазо в восемнадцать лет, как вдруг замечает что-то...

– Блин, нет! Только не это! – вскрикивает она и хлопает себя рукой по лбу. – Надо же, опять!

С потолочной балки по белой стене стекает струйка воды, которая уже образовала лужицу на терракотовом полу.

– У меня сломана крыша... не хватает нескольких черепиц, – объясняет она Томмазо, слегка снизив тон. – Когда идет сильный дождь, она начинает протекать.

Томмазо поднимает глаза к балкам и обдумывает эту проблему.

– Что-нибудь можно сделать?

– Да там всю крышу надо перекладывать, – озабоченно отвечает Линда. – Прости, я на минутку, только тряпку принесу, а ты пока располагайся.

Она выскакивает из гостиной, бормоча что-то и ругая строителей.

Томмазо все еще стоит – ему не хочется оставлять мокрые следы на кожаном диване; хотя брюки у него почти высохли, ему не очень комфортно.

Он с интересом осматривает комнату. Мебель от времени уже покрылась патиной, но отлично сочетается с современными аксессуарами, и все это создает оригинальную атмосферу. Вешалка из кованого железа, деревянная коробка, декорированная призматическими штампами, три сдвинутые вместе белые тумбочки, на которых стоит телевизор, мраморная колонна с люстрой из выдувного стекла: эти разностильные вещи, собранные вместе, звучат в унисон, как музыкальная партитура.

Линда возвращается, держа в одной руке тряпку, а в другой – мужскую рубашку нежно-оранжевого цвета, которую она отыскала в дальнем углу шкафа в спальне. Наверное, оставил какой-то ее бойфренд.

Она протягивает ее Томмазо со словами:

– Возьми, она сухая.

Томмазо какое-то время стоит в нерешительности, чувствует, что должен взять ее, в то же время думает, кому она принадлежала.

– Ты очень любезна, Линда, но мне все равно пора, – отвечает Томмазо, но она настаивает:

– Ладно тебе, надень. Все равно твоя еще сырая, ты не можешь так ходить.

– Ну ладно, – соглашается он, хотя и не помнит, чтобы когда-нибудь носил одежду подобного цвета.

Мгновение он колеблется, затем расстегивает свою рубашку и вешает на спинку стула.

Линда стоит и наблюдает за ним, иногда задерживая взгляд: мышцы груди образуют два идеальных полукруга, вокруг пупка параллельные линии пресса. Тело светлое, без волос, соски темно-коричневые и блестящие.

Томмазо думает, что не очень удобно раздеваться перед незнакомой женщиной. Но это переодевание кажется ему каким-то первобытным ритуалом, который он должен размеренно исполнить – что он и делает.

Он берет рубашку, надевает ее (по спине пробегает холодок), медленно застегивает пуговицы, оставляя свободными только две, возле воротничка.

– Ну вот и все.

Он собирается заправить рубашку в брюки, но Линда подходит к нему и инстинктивно, не задумываясь, останавливает, слегка дотронувшись до его руки.

Первый контакт.

– С ума сошел? Ее же навывпуск носят!

Томмазо улыбается, а Линда тут же отходит, берет с комода два бокала и ставит их на столик из эбенового дерева, глядя ему прямо в глаза.

– А тебе идет этот цвет, – говорит она.

– Издеваешься?

– Нет, правда.

Она исчезает в кухне и через мгновение появляется с бутылкой «Просекко ди Валдобьядене».

– Вижу, ты тоже попутешествовала немало, – говорит Томмазо, указывая на фотоинсталляцию на стене. – Ты побывала во всех этих местах?

– Если бы! – вздыхает Линда, разливая вино по бокалам. – Это просто открытки, мне их прислали. При этих словах глаза у нее загораются. – А теперь выпьем, а то тебе скоро ехать, верно? – она подмигивает, затем берет два бокала и протягивает один Томмазо.

– Спасибо.

– Это тебе спасибо за то, что подвез, – она подносит к его бокалу свой, и раздается тонкий звон хрусталя.

Томмазо делает глоток, не сводя с нее глаз, замороженный естественностью, с которой она двигается и говорит: сочетание живости, иронии и неподдельной грации, вызывающее какое-то странное щемящее чувство. Ладони у него горят.

Внезапно зазвонил телефон, это выводит его из транса.

Томмазо делает глоток, не сводя с нее глаз, замороженный естественностью, с которой она двигается и говорит: сочетание живости, иронии и неподдельной грации, вызывающее какое-то странное щемящее чувство.

Он достает его из кармана брюк и недовольно смотрит на дисплей.

– Надин, – говорит он, но не отвечает на звонок.

– Похоже, десять минут закончились, – Линда разводит руками и неотразимо улыбается.

– Да, пролетели незаметно, – соглашается Томмазо, глядя на наручные часы. – Мне пора бежать.

Он спешно хватает сырую рубашку.

– А с этой что делать? – спрашивает он, указывая на ту, что на нем.

– Оставь себе, она мне не нужна.

– Ну спасибо. Мне было очень приятно, – он протягивает руку и на прощание целует ее в щеку, что ему совсем несвойственно.

– Мне тоже приятно. Пока.

Закрывая дверь, Линда думает, что, наверное, все дело в магии неожиданности. Особенно в такие дни, когда все идет не так.

Глава 5

Воскресенье, воздух пронизан солнцем, и Линде хочется, чтобы этот день никогда не кончался. Они бегут уже километров десять, наслаждаясь теплом и ароматом майского утра. Счастливые и усталые, они еще находят в себе силы, чтобы шутить, улыбаться, подтрунивать друг над другом. Они договорились встретиться в десять, на развилке у Голубого дома, и оттуда побежали через виноградники, до лесной опушки. Давиде пришел без опозданий, в футболке, шортах, кроссовках с датчиками, подключенными к iPhone.

Линда уже ждала его, в коротеньких шортиках и облегающей майке, завязав волосы в высокий хвост. Уж на пробежку-то она никогда не опаздывает.

После того как Линда увидела Давиде на концерте, он звонил ей два раза: в первый раз дежурно поинтересовался, как у нее дела, а во второй – спросил, не хочет ли она побегать вместе.

Разумеется, Линда не заставила себя упрашивать: этот парень ее заинтриговал, и она не прочь пообщаться с ним, особенно после секса в машине.

Она принимает вызов и хочет доказать ему, что хороша не только в постели.

– В конце дороги остановимся и минут пять поделаем растяжку, потом продолжим, – говорит Давиде уверенным голосом личного инструктора.

– Уже устал? – подначивает его Линда, слыша его тяжелое дыхание.

– Вовсе нет... Я это ради тебя говорю, – он легонько хлопает ее по попе: ни дать ни взять барабанщик.

– Ради меня? – удивленно переспрашивает она, но в глубине души радуется, что доказала свое превосходство. – По тому, как ты дышишь, и не скажешь...

– Хочешь, чтобы завтра у тебя разрывались от боли икры? – Давиде пытается выровнять дыхание и делает глубокий вдох. – Послушай, что я говорю: после трех таких спусков и подъемов, какие мы только что пробежали, растяжка не помешает.

– Ну ладно, – сдается Линда, хотя чувствует такой прилив энергии, что пробежала бы еще пару километров.

Они пробегают проселочную дорогу и останавливаются на опушке.

Теперь уже и она дышит прерывисто, хотя и пытается показать Давиде, что еще в норме, но ноги устали. Они расслабляют мышцы, делая прыжки на месте. Давиде слегка расставляет ноги и начинает отжиматься. Затем Линда приступает к растяжке, наклоняясь вперед до тех пор, пока не дотягивается до лодыжек. Она сознательно провоцирует его, хотя и не знает его реакции, но видит, что он не отводит глаз от ее груди, такой упругой, высокой... Почти четвертый размер, который не поддается никаким законам гравитации.

– Теперь парочка упражнений, – наконец говорит Давиде, с трудом отрывая взгляд от ее аппетитной груди.

Он берет себя за правую лодыжку и тянет ногу как можно выше. Линда повторяет за ним, но она рассеяна... ее мысли направлены на соблазнение. Они вместе повторяют упражнение для левой ноги, затем Давиде предлагает ей сесть на мягкую траву.

Они сидят напротив друг друга, как в зеркальном отражении. Линда разводит ноги вслед за Давиде, высоко поднимает руки, вытягивает их по диагонали в направлении правой ноги, потом в центр, потом в сторону левой ноги. Потом последовательность повторяется, и их руки соприкасаются.

И в тот момент, когда она хлопает себя по пяткам, их тела притягиваются.

Она улыбается, а потом со всей силой бьет его кулаком в живот.

Давиде издает что-то вроде животного рычания, чувствует, как воздух выходит из легких, и сгибается пополам.

Пытаясь восстановить дыхание, он растерянно смотрит на нее.

– Ты с ума сошла? Мне же больно!

– Да ладно? – удивляется Линда. – Ты что, такой слабак?

– Ну да, размечталась... так я тебе и сдался! – отвечает Давиде, гордо выпрямляясь, и лицо его принимает обычное выражение.

Через пару секунд они уже улыбаются.

– Неплохо у тебя получилось... – не успел он договорить, как она резко хватается его за руку и увлекает к густым деревьям.

Линда порывисто обнимает его за плечи и целует в губы.

Давиде отвечает на поцелуй, раздвигая ее зубы языком и срывая резинку с ее волос: светлая грива падает ему на глаза, в беспорядке струится по плечам.

Линда увлекает Давиде на землю, на ковер из травы и листьев, лбы стиснуты, ее волосы упали на его лицо, губы слились в поцелуе, языки страстно сплелись.

Она горячо, нетерпеливо изгибается, прижимается к нему всем телом, не давая двигаться.

Давиде пытается поднять голову и заглянуть ей в глаза, но она с силой запрокидывает ее, прижимая к траве. Он реагирует на ее натиск, они переворачиваются, и Давиде оказывается сверху. Она смотрит на него: зрачки расширены, рот приоткрыт, щеки горят. Его нога меж ее ног, возбужденное лицо выдает его беспокойство. «До ближайших домов далеко, – думает он, – и все же они на открытом участке, в разгар воскресного утра, кто-нибудь может их увидеть». Но Линда больше не может ждать, он нужен ей прямо сейчас; ловким движением, будто исполняя какой-то боевой прием, она снова берет над ним верх и прижимается со всей силой.

Она целует его в губы и шею, потом, проводя языком по уху, слегка покусывает мочку. Она стягивает с Давиде майку, развязывает шорты и просовывает руку внутрь.

– Погоди-ка, – говорит он, пытаясь ее остановить, но их тела так близки, что она не желает его слушать, а он бьется, как зверь, загнанный в ловушку.

– Да подожди ты, черт! – Давиде хватается за запястье.

Линда останавливается, поднимает голову в недоумении.

– Что такое?

– Ничего, – отстраняясь, отвечает Давиде, опирается на локти и подозрительно оглядывается.

– Ты не хочешь? – спрашивает она, вытаскивая руку из его шорт.

– Хочу, просто...

Он снова озирается, как будто они находятся на вражеской территории, куда вот-вот нагрянут вооруженные войска.

– Прямо так, у всех на виду? А вдруг кто-нибудь придет?

Линда медленно качает головой, ее взгляд гаснет.

– Ну, как хочешь, – говорит она шепотом с напускным равнодушием, вынимая из волос сухую травинку. – Мне все равно.

Она встает, отряхиваясь. Уж она-то знает: иногда надо ослабить хватку. Линда делает вид, что собирается уходить, и Давиде реагирует так, как прописано в учебнике.

– Ну уж нет, Линда, – говорит он, хватая ее за запястья. – Зато мне не все равно.

Он прижимается к ней и горячо целует, его язык завладел ее ртом. Давиде опрокидывает ее на землю и охватывает бедра. Гладит рукой ее волосы, шею, спускается до груди и одним движением срывает с нее шорты и трусики.

Он чувствует себя первобытным человеком в этом взрыве инстинктов и чувств.

Давиде смотрит на Линду, вдыхает аромат ее тела, его дыхание так близко, что движения и чувства сливаются, как магма. Теперь уже она пытается оказать сопротивление, но это всего лишь игра. Все, что ему остается, – это занять место между ее гладкими и крепкими бедрами и погрузиться в их влажное тепло.

Все сомнения, мешавшие ему еще несколько секунд назад, растворились в бурной реке, которая увлекает их, унося все мысли и не давая дышать.

Он чувствует себя первобытным человеком в этом взрыве инстинктов и чувств.

Давиде освобождается от одежды и вытягивается между ног Линды, пронзая эластичную перегородку ее женственности с одержимостью и напором, которые не в силах больше сдерживать.

Она прижимается к нему и ритмично движется вверх и вниз все с нарастающей скоростью, ощущая его в себе. Она хотела бы, чтобы это продолжалось вечно, но наконец эта плотина прорывается, и из самых глубин неконтролируемым потоком вырывается вздох, она вся содрогается, бедра ее сокращаются в судорогах, и они вместе кончают.

Для обоих – никаких обязательств: они отлично знают, что следующего раза не будет, их отношения закончатся на этом поле, все останется здесь, меж этих деревьев. Они не влюблены, и никто не причинит другому боль.

Два тела слились в одно: все смешалось – крики, стоны, соки, излившиеся на землю под деревья, и кажется, будто бы само небо черпает из этого энергию.

– Вот видишь, никто не пришел, – Линда заговорщицки смотрит на него, приподнимая голову.

Давиде понемногу приходит в себя и мечтательно смотрит на нее.

– Я бы не остановился, даже если бы пришел сам Господь Бог.

Линда смеется, потом смотрит на свою правую икру, мышца побаливает.

– Вот черт! – вскрикивает она.

– Что такое?

Линда приподнимает ногу.

– Кажется, жучок какой-то укусил, – спокойно говорит она.

Давиде смотрит на покраснение.

– Пойдем, нужно сразу же что-нибудь приложить.

Он уже собирается встать, но Линда его останавливает.

– Не волнуйся, я привыкла к насекомым.

Она целует его в губы, сжимая все еще твердый член.

Линда готова повторить, и он тоже. Для обоих – никаких обязательств: они отлично знают, что следующего раза не будет, их отношения закончатся на этом поле, все останется здесь, меж этих деревьев. Они не влюблены, и никто не причинит другому боль.

Глава 6

Линда выходит из душа, снимает халат с плеч статуи богини Венеры Кановы из черной смолы, которую она нашла год назад на юге Венето и поставила рядом с умывальником. С тех пор этот предмет стал ее вешалкой.

Она делает глубокий вдох, чувствует, как наполняются легкие, сердце бьется спокойнее.

Комната наполнена густым паром, в котором витают ароматы гималайских эфирных масел – ее лекарства от любых болезней. Во всяком случае, пока.

Утро понедельника, Линда проспала. Но она об этом не думает: уже почти девять, а она даже не торопится. Ей нравится собираться на работу размеренно и спокойно. После отличного отдыха вчера – секс с Давиде, аперитив с друзьями, душевная беседа с дядей Джорджо и часик за приятным чтением – она полна сил и энергии и готова к началу новой недели. В халате нараспашку она садится на махровый коврик и начинает массировать ступни, смазывая их маслянистой мазью, тщательно проходя между пальцами.

Затем Линда достает из корзины, где хранятся крема для тела, флакончик со смягчающим маслом. Капает несколько капель на ладони, а затем втирает его в ноги, от лодыжек до паха.

Закончив с этой процедурой, опираясь на пятки, она резко встает, берет из ящика полотенце и, запрокинув голову, заматывает волосы в тюрбан. Достает черные шелковые трусики, надевает их и босиком идет из ванной на кухню. Раньше Линда не тратила много времени на уход за телом, но после тридцати она с грустью отметила, что одних спортивных упражнений недостаточно, чтобы оставаться в форме.

Она достает из сушки кофеварку, насыпает немного молотого кофе, наливает воды и ставит на плиту. Затем подключает ноутбук к динамикам и выбирает плейлист «Rock revival». Гостиная наполняется музыкой «Pink Floyd» – она не помнит названия композиции, но ей тут же хочется двигаться ей в такт. Слегка пританцовывая, Линда возвращается на кухню и садится на барный стул, ожидая, пока закипит кофе.

Смотрит из окна на небо: оно безоблачное и синее, как на картинке. Через пару дней надо будет собрать вишню с двух деревьев, растущих перед домом, и отвезти маме – пусть сварит свое вкуснейшее варенье.

Кстати, о маме. Она не разговаривала с родителями уже больше месяца и не помнит, когда в последний раз ездила в их маленький семейный отель «бед-энд-брекфест» в самом сердце Доломитовых Альп... На Рождество? На прошлую Пасху?

Не то чтобы они не ладили. Просто, уйдя на пенсию, родители решили осуществить мечту всей своей жизни – открыть небольшой отельчик в горах. Они стали созваниваться все реже, и наконец число звонков сократилось до необходимых «звонков безопасности», как их назвала ее мама Карла, чтобы заботливая родительница могла убедиться, что ее дочь жива и здорова. А еще мама всегда звонила, чтобы сообщить, что собирается прислать свое знаменитое варенье.

Если бы Линда решила сварить его сама, то даже не знала бы, с чего начать. В конце концов она просто выбросила бы все в мусорное ведро, охваченная яростью как обычно бывает, когда у нее что-то не выходит.

Она снимает полотенце с головы, вытирая еще влажную светлую гриву, и завязывает пояс халата-кимоно, достигающего ей до середины бедра. Она уже собирается убавить огонь на плите, как вдруг замечает, что с проселочной дороги на всех парах вылетает машина, поднимая клубы белой пыли. Это старенький «Мини-купер» бутылочно-зеленого цвета шестиде-

святого года выпуска. Белая крыша и неповторимый рев мотора, еще способного на подвиги. Этот звук она узнала бы из тысячи, как и нахальное лицо водителя: это же Алессандро!

Линда спрыгивает со стула и выбегает из дома: она просто не может сдержать эмоций. Открывает дверь – и вот он. Только сейчас она понимает, как соскучилась по нему!

Алессандро ворвался неожиданно – как летняя гроза. И она надеется, что он не исчезнет так же быстро. Он решительно выходит из машины и закрывает за собой дверцу, стоит и смотрит на Линду. Со времени их последней встречи он немного похудел и загорел, но стал будто выше и как-то солиднее.

Она просто не может сдержать эмоций. Открывает дверь – и вот он.

Только сейчас она понимает, как соскучилась по нему!

Волосы коротко стрижены, без седины, слегка вьются, в лучах утреннего солнца кажется, что они отливают синевой – Линда и забыла, какие они на самом деле. Он отрос-тил усы, и его черты лица стали немного жестче, обрели свой истинный вид. Густые брови, немного толстая переносица, квадратный подбородок.

Теперь Алессандро не мальчик, а мужчина. А вот глаза не изменились: карие, с легкой желтизной, почти неестественного цвета. Линда больше ни у кого не встречала таких глаз.

На нем белая футболка, на шее потрепанная арафатка. Поверх замшевых ботинок – слегка драные джинсы.

Его одежда потерта с дороги. Он и сам выглядит усталым, но появление Линды бодрит его.

Алессандро улыбается, они идут навстречу друг другу; волосы у нее еще не просохли после душа, она идет босиком по колкому гравию, а потом бежит, повисает у него на шее и обнимает его изо всех сил.

И он в ответ сжимает ее своими сильными и грубыми руками.

– Поверить не могу, что ты приехал, – взволнованно бормочет Линда.

Она ощупывает его – спину, лицо, – словно хочет убедиться, что это правда, и боится, что он сейчас куда-то исчезнет.

– Я тоже, – отвечает Алессандро.

Он осматривается.

– А ты неплохо тут обустроилась. Когда я в последний раз здесь был, на месте этого дома стояли развалины...

Линда берет его за руку и ведет за собой.

– Пока ты странствовал по свету, я тут работала не покладая рук!

Алессандро смеется: уж она-то точно ни капли не изменилась, тот же темперамент, что и в детстве.

– А ты что, только приехал? – спрашивает Линда, заметив у него круги под глазами.

– Сегодня утром в шесть был в Мальпенсе, – Алессандро не может сдержаться и зевает. – Я смертельно устал, целые сутки летел, – объясняет он, все еще осматриваясь. – Как здорово снова вернуться сюда. Я так давно здесь не был!

Он остановился в дверном проеме, расслабляясь после дороги.

– Ну на этот раз ты останешься, хоть ненадолго? Обещай, что не уедешь сразу же, как в прошлый раз!

– Да, я задержусь... Нужно кое-что уладить. А потом – снова в путь.

– Можно узнать, что именно? – спрашивает немного строго Линда.

Алессандро смотрит так, будто не хочет говорить на эту тему. Потом все-таки отвечает:

– У меня возникли кое-какие трудности в Ханое, и я решил немного отдохнуть.

– А ты все тот же идеалист-авантюрист. Нисколько не изменился, – Линда закатывает глаза. – Что ты на этот раз натворил?

– Ну, скажем так, сфотографировал то, что не нужно было фотографировать... – Алессандро стал серьезен. – Работал с одним блогером, пишущим о несовершеннолетних, которых заставляют работать на фабриках. – Он вздыхает: – Его арестовали, а меня, скажем так, полиция попросила скрыться с глаз долой.

Линду пробирает дрожь, но Алессандро, кажется, не слишком обеспокоен.

– Не волнуйся, я так просто не сдамся, – решительно продолжает он.

Она кладет ему руку на плечо.

– Эй, не заставляй меня переживать...

Он проводит по ее лбу, как будто стирая появившуюся морщинку.

– А ну-ка покажи свой потрясающий дом!

Они проходят на кухню.

Кофе убежал, залив конфорку коричневой жижей, а в воздухе неприятно пахнет горелым.

– О боже, какой кошмар! – Линда приподнимает крышку кофеварки и заглядывает внутрь. – Осталось совсем чуть-чуть, но я сделаю еще.

– Мне не надо, – говорит Алессандро, устранившись поудобнее на барном стуле и оглядывая комнату. – Мне бы пивка.

– А? – она удивленно смотрит на него.

– Ну не хочу я кофе, у меня и так крыша едет от смены часовых поясов. Я еще живу по азиатскому времени.

– Но у меня в холодильнике нет пива.

– А зря, подружка! Как можно не иметь в доме пива? Ты что, за эти годы без меня совсем ничему не научилась?

– Ну прости... – Линда складывает руки на груди. – Просто сегодня утром я никак не ожидала «Але-приезжаю-когда-хочу», – саркастично продолжает она.

Алессандро неодобрительно качает головой:

– Вот она, старость! – И за эти слова получает подзатыльник.

Потом Линда направляется в чулан и через минуту возвращается на кухню, в руке у нее бутылка «Моретти».

– Вот, из моего личного запаса. Не холодное, но лучше, чем ничего.

Алессандро открывает бутылку и делает большой глоток. Линда пристально смотрит на него, приготовившись слушать.

– Ну давай, рассказывай все по порядку, – торопит она, делая маленький глоток остывшего кофе.

Потом спохватывается.

– Хотя нет, все-все не надо, пять лет – это слишком много. Начни с Ханоя.

Алессандро смотрит на нее, но видно, что мысли его где-то далеко. Потом он начинает говорить.

– Безумный город, – говорит он, делает глоток из бутылки и берет орешек из деревянной мисочки на столе. – Он похож на гигантский муравейник, наполненный людьми и машинами... Самое сложное – перейти дорогу.

Он берет еще орешек.

– Заблудиться – раз плюнуть, чувствуешь себя песчинкой среди тысяч людей. Не пове-ришь, но это чувство вселяет ощущение свободы.

Вдруг Алессандро чувствует, что очень голоден, и с почти звериной жадностью отправляет в рот целую горсть орехов, ничуть не заботясь о хороших манерах.

– Вьетнам – сложная страна, – продолжает он, вытирая рот тыльной стороной ладони. – Перемены в ней, к сожалению, ведут к несправедливости и неконтролируемому общественному напряжению.

Видно, что в его голове роится множество мыслей, может, мрачных и неприятных, о которых Линда может только догадываться. Но сейчас он рассказывает ей только о хорошем.

– Но несмотря ни на что, там замечательно. Самые прекрасные, что я увидел – это лица людей. Их черты завораживают. Они ведут себя поистине с королевским достоинством.

– А вьетнамки, они какие? – подмигивает Линда.

– Из азиаток они, пожалуй, самые лучшие: стройные, со светлой бархатной кожей, гладкими черными волосами... – он прикрывает глаза, и на лице у него появляется блаженство. – Если только повезет их увидеть.

– Почему?

– Потому что по городу девушки ходят укутанные, как туареги по пустыне: даже глаз не видно.

– Зачем?! – Линда потрясенно встряхивает головой.

– Страшно бояться солнца, стараются всеми способами защититься, надевают кучу одежды: чулки, перчатки, шляпы, маски. Бывает даже сложно разобрать, симпатичная девушка или нет. – Алессандро разминает спину, наклоняет голову вправо, затем влево. – И все же Ханой – какой-то другой...

– В каком смысле?

– В том смысле, что хотя это и Азия, там нет той наглой откровенности, как в гоу-гоубарах Бангкока или на Филиппинах.

– А, ясно... Вьетнамки немного ханжи.

– Ну, скажем так, они относительно целомудренны и замкнуты. К ним не относятся стереотипы о секс-туризме...

– Я что, должна поверить, что ты не покоришь сердце ни одной вьетнамки? – не унимается Линда.

– Ну, скажем так, мне пришлось попотеть больше обычного, – загадочно улыбается он. Хотела бы она посмотреть на женщину, которая сможет устоять перед этой улыбкой.

– А сейчас у тебя кто-то есть? – спрашивает Линда напрямую.

– Чего? – переспрашивает Алессандро. – Да ну! У меня нет ни времени, ни желания на что-то серьезное.

Иногда в письмах он писал ей о женщинах, с которыми знакомился в разных уголках света. Ей нравилось читать эти «записки моряка», где правда всегда приукрашена, иногда испытывая ревность.

– А у тебя кто-нибудь есть?

– Ну... не совсем, – неопределенно отвечает она, скривив губы. На мгновение она думает о Давиде – но это даже не роман.

Алессандро смотрит на нее, изучает, как объект для фотографии в просвете окна, стирающем четкие очертания.

– Неправда, ты так же хороша, какой я тебя помню, и совсем не изменилась. Даже стала еще красивее.

Линда опускает глаза и улыбается. В нее будто вселился дух противоречия. В памяти ожили воспоминания. Она чувствует смятение и что-то неизведанное впереди.

Алессандро тоже остался таким, каким она его помнила.

– Хотя погоди-ка... кое-что изменилось. – И на его лице появляется дьявольская усмешка. – У тебя выросли сиськи! – он показывает на них пальцем.

– Ну да, конечно, – Линда поправляет край халата. – Пока тебя не было, я решила вкачать туда силикон, совсем чуть-чуть, хотя не уверена, что мне это было нужно.

Она смеется.

– Ах, да, ты из тех, кто увеличивает на один размер. Я таких вещей не забываю. А ты красавица, – улыбается Алессандро.

– Ладно тебе... – она тычет кулачком ему в грудь.

– Я по тебе скучал.

Он обнимает ее за талию. На мгновение ее ноздри улавливают знакомый запах, неповторимый запах Алессандро.

– У меня кое-что есть для тебя в машине, – внезапно говорит он и неуклюже высвобождается из объятий.

Линда отпускает его, едва удержавшись от соблазна зарыться носом в ложбинку у его шеи. Минуту спустя Алессандро возвращается со шляпой из соломы, украшенной ярким геометрическим рисунком.

– Я купил ее тебе на ханойском рынке. – Он надевает шляпу ей на голову.

– Красота какая! – Линда снимает шляпу, восторженно рассматривает ее, затем снова надевает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.